Станислав
Сенькин
КРЕСТ
И МЕЧ
OZON.ru

Станислав Сенькин

Крест и меч

«Автор»
2010

Сенькин С. Л.

Крест и меч / С. Л. Сенькин — «Автор», 2010

Новая историческая повесть Станислава Сенькина переносит читателя на Кавказ, во времена раннего Средневековья. Здесь тесно переплелись народы и религии. Крест и меч в руках отважного аланского царя становятся символами утверждения Православия на южных рубежах Европы.

© Сенькин С. Л., 2010
© Автор, 2010

Содержание

Аланский царь 6
Совет степняков в Итиле 15
Ос Багатар принимает решение 19
Ос Багатар и небесная рать 23
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Станислав Сенькин
Крест и меч

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Крест нашего Христа Бога, не доведи меня до того,
Чтобы неверующие – безбожные люди победили меня ныне.
Если силою и именем Твоим я одолею врага,
Тебя я буду почитать, присно-вечно прославлять.

Поэма об Алгузе

Аланский царь

В древние, поросшие быльем времена, когда еще далеко было до изобретения печатного станка и слова мудрости передавались по большей части из уст в уста, правил на Северном Кавказе в могущественной некогда стране Алании грозный царь Ос Багатар. В летописях и трудах средневековых историков о нем почти ничего не сказано, только вот доблесть и благородство его победили время – жили и живут в народной памяти, наполняя осетинские сердца гордостью за своего великого царя.

Ос Багатар не выносил праздного времяпрепровождения и утучняющих тело пиров, что расслабляют дух и помутняют разум, хотя при случае мог запросто выпить один за одним три больших турьих рога с забористым вином, не теряя ясности ума и телесной крепости. Лишь глаза его тогда становились блестящими от переполнявшей его железное сердце удали.

Его стихией была война. Сражаясь с врагом, он чувствовал себя свободно и легко, как орел в небе и как рыба в воде. Хоть это и лишнее, но упомяну, что в войнах в то время не было недостатка. Хитрые и сильные враги окружали Аланию и не отчаивались в своих попытках лишить ее независимости, огнем и мечом тщетно подавляя волю ее гордых жителей.

Ос Багатар своевременно отражал все нападения, давая врагу достойный отпор. Он был правителем от Бога, понимающим все тонкости большой политики и владеющий несколькими языками. Хорошо знающие царя люди никогда не задавали ему лишних вопросов и не утруждали его лестью, потому что лесть для его слуха была страшнее оскорблений. Черная борода и карий орлиный взгляд вызывали трепет у тех, кто пытался его обмануть, но для преданных и верных людей взор царя был кротким и любящим. Под пышными черными усами были уста, из которых не исходило ничего лишнего: лишь «да» и «нет», по евангельскому слову. Царя окружала народная любовь и преследовала лютая ненависть врагов Аланского государства. Никто никогда не видел его унывающим, и если царь и проливал когда-нибудь слезы, даже в детстве, то свидетелем тому был только Господь.

Больше всего ценил царь доблесть и честь, считая, что человеку, потерявшему честь, нет места на этой земле, как нет места ему и на небесах. Только в преисподней, куда не проникает свет Божий и милость Его святой Матери, может найти он себе пристанище в серном озере среди горящих углей и воющих демонов. Лишенных же доблести людей царь считал несчастнейшими из смертных, и они никогда не могли приобрести его благоволения.

Трон Оса Багатара во дворце славного града Магас был отлит из чистого серебра, рядом с троном всегда находился большой аланский двуручный меч, главу царя украшала простая диадима с крестом из чистого золота, что ему подарил за защиту православия на Кавказе византийский император Роман Лакапин. Рядом с троном, помимо верных аланских телохранителей, подкупить которых не смог бы и сам царь Соломон со всем своим богатством и величайшей мудростью, постоянно находились две собаки аланской породы, понимавшие царя с полуслова. При всем своем добродушии, они готовы были разорвать любого зверя или человека, осмелившегося покуситься на их господина.

Свиту Оса Багатара составляли суровые воины, доказавшие преданность своему государю. Во многих сражениях пролили они свою кровь, нередко оказываясь на краю гибели. Это были представители самых благородных аланских и адыгских родов, которым чужды были подлость и предательство.

Царь не любил старческих седин на головах воинов-алдаров, потому как считал, что доживший до них избежал смерти в бою из-за трусости, а не благодаря мудрости. Мудростью на Кавказе была славная гибель в сражении. Кавказ любил суровых, сильных духом и телом людей, и вся горская мудрость собиралась на острие меча, а не в сединах. Аланы свято пови-

новались царю и чтили христианского Бога, будучи готовы отдать жизнь за утверждение на земле православной веры с самодержцем, правящим во святом граде Константинополе.

Государство алан в тот период не было очень крепким и развитым, храмы были небольшими и самой простой архитектуры. Обычно они строились высоко в горах, где врагу было трудно их найти и уничтожить. Но даже если враг и разрушал какой-нибудь дзуар – так назывались и называются по сей день аланские горные алтари, – его легко было обновить. Дзуары были не храмами в полном смысле этого слова, а святыми алтарями, где священник совершал таинство Божественной Евхаристии. Вокруг дзуара собирались воины перед сражением; причастившись Святых Таин, смело шли аланы в бой, не боясь смерти. Крест Христов был для них примером несгибаемого мужества, а не слабости, как в том нас пытаются уверить некоторые неразумные. «Дзуар» по-алански и значит Крест, на котором был распят Господь Иисус Христос, сошедший во ад и победивший смерть.

Кавказ издавна был и остается местом столкновения интересов сильных государств. Аланы жили одним днем – никто не знал, когда и кого настигнет лютая смерть. Но все знали, что доблестного воина, положившего душу свою за други своя, ожидает милость у престола Божия.

Приемы царя в его дворце в столице Алании Магасе был очень простыми и дружелюбными, он никогда не приказывал убивать посланников других, даже враждебных ему государей, а бывало, что и одаривал их подарками. В нем была искренность и доброта – та, которая селится в сильных и мужественных сердцах. Но на поле боя врагов ожидало совсем другое. Царь был добрым хозяином и храбрым воином.

Аланский государь свято чтил христианскую веру и выстаивал ежедневную обедню в соборном храме Магаса, которую, в основном, служили грузинские или византийские пастыри. Многие аланские государи до или после Оса Багатара соблазнялись Христовым учением, полагая, что христианство ослабляет человека и делает из мужественного воина покорного раба. Но Ос Багатар понимал греческую веру во единого Бога правильно.

Только сильный, мужественный и ответственный Господь смог пойти на страдания ради созданного Им творения. Насколько Бог сильнее человека, настолько и страдания Его превосходят страдания всякого человека. В этом и проявляется великая любовь Божья к падшему роду человеческому. Некоторые соседние государи, принявшие ислам, присылали к нему проповедников, сильных в красноречии и сведущих в своем учении. Они соблазняли царя простотой их веры, говоря, что Магомет, их пророк, не предписал никакой тяготы для человека и требует лишь поклонения единому Богу. Лукавые проповедники учили: «Как же ты, царь аланский, подставишь свою левую щеку, если враг с презрением ударит тебя по правой? Разве это возможно?» Они убеждали царя и в явных политических выгодах принятия ислама. Но в глазах Оса Багатара Магомет был намного слабее Христа, Который перенес несоизмеримые с человеческими мучения ради любви к человеку. Поэтому Он и учил своих последователей любви. Перед таким Господом царь без всякого смущения в сердце склонял свою голову и часто стоял в церкви всю обедню на коленях. А за Магометом, не знавшим никакой тяготы, пусть следуют другие – слабейшие духом.

Хоть много было у Алании врагов, особую опасность во времена Оса Багатара составляли пришлые хазары. Это был очень непонятный народ: с недавних пор неизвестное кочевое племя, гонимое восточными ветрами, прочно осело на Кавказе и в прикавказских южных степях. Поначалу они казались дружелюбными соседями – земледельцы, рыбаки и виноделы. Как торговцев среди них не было равных. Затем они заключили союз с гильдией могущественных еврейских купцов и стали проводником их интересов на Северном Кавказе. Большие деньги потекли в руки хазар. В союзе с аланами они смогли остановить бешеный натиск арабов, рвавшихся на север. В этом союзе они олицетворяли злато, а аланы – булат. Арабы были остановлены и отброшены далеко на юг. После этого соседи стали с интересом присматриваться друг

к другу. Хазары с аланами и начали тот долгий спор, разрешение которого еще впереди: что сильнее – злато или булат?

В каганате власть реально принадлежала бегам – заместителям каганов, хотя заместителями и они были только по названию. Беги стояли во главе войска, а также ведали сбором налогов, – то есть сосредоточили в своих руках всю власть. За почетную должность правителей каганы нередко платили самую высокую цену. Неудачи государства приписывались не плохому правлению бегов, а греховности самого кагана – бывшего в Хазарии «священной коровой», которую никому не дозволено было трогать, но которую можно было принести в жертву в особых случаях. Например, из-за неурожая беги могли приказать сжечь кагана заживо, чтобы успокоить народ. Никто из простых подданных каганата не мог видеть кагана – даже во время великих праздниках его лицо скрывалось от людских глаз шелковым покрывалом. Каган жил в просторном роскошном дворце, окруженный почетом и принимающий почти божественные почести от многочисленных слуг. Но из дворца он не мог никуда выйти. Беги обычно брали дочерей кагана себе в жены, сами же именовали себя хазарскими царями.

Свою столицу хазары поставили возле устья великой реки и назвали ее, как и реку, – Итиль. Они быстро прибрали к рукам все окрестные торговые пути и сосредоточили в своих городах огромные богатства. Затем началась борьба за Дербентский проход, которая закончилась успехом – опять же с помощью булата алан. После громких побед хазары начали облагать данью слабые народы и воевать с сильными, впрочем, сами они не воевали, предпочитая нанимать мужественных воинов со стороны. Злато сильнее булата – так думали правители каганата. Часто приходилось воевать за Хазарию и аланам, которые, впрочем, искали возможности показать хазарам, что булат не слабее злата, зачастую вмешиваясь во внутренние дела каганата. Но в целом отношения соседей были ровными. Вскоре Итиль превратился в преуспевающую степную столицу. Шелк и бумага из Китая, имбирь и другие изысканные пряности с Востока, ковры из Персии, оружие и драгоценности – все стекалось сюда со всех сторон света, и предприимчивые хазары буквально купались в золоте.

Булат был в руках христиан-алан и мусульман-арабов, а злато – в руках иудеев. Современник Оса Багатара, жестокий бег – хазарский царь Аарон II принял иудейскую веру, как и его отец и дед. Принял всем сердцем – подтверждением тому был его недавний приказ: в ответ на разрушение синагоги в одном арабском городе разрушить минареты итильской мечети и повесить на базарной площади муэдзина. Аарон II был менее терпим к исламу, чем его предшественники. У виселицы он с презрением качнул бездыханное тело муэдзина и сказал:

– Если бы я не боялся, что все синагоги, находящиеся в странах ислама, будут разрушены, я бы разрушил и саму мечеть…

Аарон II щедро оплачивал службу преданных и храбрых аланских воинов, разрешал аланам селиться вблизи границ каганата и вообще выказывал Осу Багатару большой почет и благоволение, называя его своим возлюбленным братом. Аланский правитель тоже старался выказывать уважение могущественному бегу как своему ближайшему соседу.

Все было бы хорошо, если б в последнее время Аарон не начал склонять аланского правителя к принятию иудейской веры. Кроме того, он просил выдать любимую дочь Оса Багатара, отраду его сердца, луноликую Русудан за своего наследника – младшего сына Иосифа, который не отличался ни красивой внешностью, ни благородным нравом. Рыжая голова Иосифа напоминала печеное яблоко, хотя в ней и было много знания и хитрости. Под сросшимися густыми бровями бегали туда-сюда умные холодные глазки, загоравшиеся только при виде золота. Толстые обвисшие губы, с которых нередко непроизвольно текла слюна, придавали ему вид не вполне здорового на голову человека. Его маленькие, как у обезьяны, руки плели интриги и сети, которых не могли избежать и самые достойные мужи. Он был злопамятен, как дьявол, и богат, как Крез…

Иосиф, конечно же, знал, что не пара кареглазой Русудан, и это воспаляло его самолюбие, ведь он считал, что за деньги можно купить все – красоту телесную и даже душевную.

Молодой бег, будучи частым гостем в Алании, с первого взгляда безумно влюбился в луноликую серну Русудан, но сам он вызывал в ней непреодолимое отвращение. Ее сердце занял могучий Сослан – преданнейший служитель государя из царского рода ахсартагата. Ахсартагат Сослан был силен и благороден, во многом напоминая Русудан отца. Они ни разу не говорили друг с другом, все за них сказали их сердца и глаза – зеркала душ.

Царь все понимал, но он сознавал и то, что для теснимой со всех сторон неприятелями Алании бег предлагал могущественную дружбу, которую не могли предложить ему даже греки, давшие аланам веру. Лишь вместе с хазарами аланы могли выдержать отчаянный натиск воинственных арабов. Одного Ос Багатар никогда не мог принять сердцем – бег постоянно склонял его отречься от Христа.

– Представляешь, царь, что будет, если Алания на равных вольется в наш каганат? Тогда ни ромеи, ни коварные булгары, ни воители нового пророка с зеленым, как увядающая листва тополя, знаменем не смогут противостоять нам и подавлять наши умы своим хитрым чародейством. Твое царство самое сильное и крепкое среди всех народов, что окружают нас. Наслышан, что некоторые из алан уже живут по Торе. Это очень хорошо для всех нас. Иудейство – истинная вера, которую необязательно прививать твоему гордому народу, воинам и черни. Это вера немногих – настоящего народа Божьего. Пусть остальные наши подданные, если хотят, остаются язычниками, поклоняющиеся деревьям, камням или священным рощам, пусть чтят своих волхвов и унылые святилища, пусть правят тризны по павшим воинам. А кто хочет, пусть остается христианином или мусульманином. Ты же знаешь, что в Итиле есть семь судей: двое для евреев, двое для мусульман, двое для христиан и один для язычников – славян и русов. Хазарский каганат открыт для всех вер и народов…

Но на мой взгляд, лишь царская кровь и приближенные к власти люди достойны стать настоящими иудеями – детьми истинного Бога, чье имя нельзя произносить вслух. Наши братья есть повсюду – и в Иберии, и в Персии, и в Византии. Мы приближены ко всем правителям земным и ведем обширную торговлю, помогая друг другу по всему миру. И наш Бог хранит нас до того часа, когда вся земля покорится нам и цари земные принесут к ногам нашим все сокровища, как учат наши пророки. Так будь же с нами, о благородный Ос Багатар… Покрой главу святым талесом и замени скверный трефный крест на менору; пройди древний и дивный обряд обрезания, чтобы твое могучее древо плодоносило еще больше. И распространит Всевышний твой род во веки и веки…

Ос Багатар со вниманием слушал бега Аарона II, понимая всю силу его слов, но сердцем не принимая его вкрадчивые речи. Он знал, что имеет дело со свирепым волком, желающим, подобно другим врагам, лишить Аланию независимости и сродни сатане похитить его вечную душу. Нои прямого отказа бегу царь тоже не давал, не желая обострять отношений с могущественным каганатом – самым влиятельным соседом гордой и сильной, но неустойчивой Алании…

У царя было несколько сыновей и, как уже говорилось, младшая дочь, красавица и любимица Русудан. Старший сын, тезоименный отцу, во всем повиновался ему и готовился после смерти царя занять его место. По правде сказать, он был этого достоин – доблестью и силой тела и ума он не уступал славному правителю. Ос Багатар очень любил сына и считал его своей правой рукой.

Второй сын царя – Саурмаг – более воинских подвигов предавался беспутным забавам и был охоч до женского пола. В народе его не любили, и к нему прилепилось прозвище «пьяница». Он был бельмом на глазу отца, и царь с трудом его терпел и часто отдалял от себя. Саурмаг был непомерно властолюбив и страстно жаждал аланского трона. Понимая, что он не ровня старшему брату, хитрый царевич вел дружбу с хазарами и подавал Аарону сигналы, что

сам не прочь принять иудейство, если возглавит в будущем Аланию. Его ближайшим другом был отпрыск Аарона II Иосиф, положивший свой черный полуслепой глаз на красавицу Русудан. В доверитель беседах они мечтали, как будут править не только Русью и всем Кавказом, но заставят склониться перед ними даже премудрых греков и многочисленных, как песок, арабов, навязавших свою волю и веру многим восточным народам.

Ос Багатар, не терпевший интриг и лукавства, несколько раз уже было решал казнить непокорного Саурмага. Возможно, сын и пал бы от лютого гнева отца, если бы не его природная хитрость и изворотливость. Он прекрасно знал, в какой момент можно подойти к отцу с притворной кротостью и почтением, а в какой избегнуть его гнева. Хитрость с избытком заменяла ему и доблесть, и благородство. Даже видом он был подобен хазарину – смуглый, с раскосыми глазами. Он любил одежду, которую привозили ему из Итиля услужливые купцы. Но крестообразный меч, который ковался только в Алании и на который аланы молились во время воинских походов, вонзая его в землю, был ему противен. Саурмаг был опьянен властью, мечтал жениться на власти и до смерти опьянятся ею, как развратной женщиной. Он явно был паршивой овцой в славном роде Оса Багатара.

Третий, младший сын аланского государя – Иуане, обладал спокойным нравом и любил молитвенное уединение. Он был смирен сердцем, кроток лицом и почти всегда его глаза были потуплены. Иуане старался не пропускать службы и никогда не выпускал из рук четки, подаренные ему трапезундским митрополитом. Он чтил отца, как монах почитает игумена, и старался подчинить свою жизнь заповедям Христовым. Он буквально мог подставить свою левую щеку, если бы ему ударили по правой.

Это тоже было не по нраву царю, считавшего, что царская кровь другого свойства, нежели кровь священников и монахов. Она вскипает от несправедливости или при виде приближающегося врага, и никакая молитва не способна остановить алана, вошедшего в воинский раж. Править службы – дело мудрых ромеев или сведущих в грамоте грузин, призвание же алана – война. Таков был образ мысли и действия аланского правителя.

Когда дети Оса Багатара были маленькими, царь сдерживал себя в проявлениях к ним любви и ласки, потому что в то время это считалось слабостью. Так поступали почти все аланские воины.

Однажды пятилетний сын одного из видных военачальников сорвался со скалы и висел, уцепившись за край обрыва. В это время его отец оказался поблизости. Он не бросился спасать сына, а лишь придержал руки ребенка ногой, пока не подоспели женщины и не вытащили его.

Этот поступок кажется варварским и жестоким, но в те годы жизнь показала, что он справедлив. Воспитанные в суровой обстановке, мальчики рано взрослели и становились мужественными, закаленными воинами, готовыми защищать родину.

Царевичи едва научившись ходить, когда Ос Багатар отдал их в обучение искусным воинам, которые показали им, как нужно биться наравне с простыми ратниками. Мальчики выросли ратоборцами, и царская кровь не прикрывала их от вражеских мечей, а призывала к еще большей доблести, чтобы в грозном бою быть вдохновляющим примером аланским воинам и в решающий момент повести за собой полки.

Только в отношении младшенькой Русудан, благонравной и стройной красавицы, царь проявлял нежность, задаривал ее подарками и охранял как зеницу ока. Ее мать Мария – прекрасная и благородная женщина – погибла при ее родах. После смерти царицы Ос Багатар не искал себе утешения в других женщинах. У него остались в жизни два утешения: Русудан – бальзам для царского сердца, и забота о процветании своего народа и святой веры православной.

Старший сын царя, также носивший имя Ос, преуспевал в ратном деле больше братьев. Когда детей учили верховой езде, первым делом их заставляли ходить с большим камнем между колен, чтобы впоследствии воины могли управлять лошадьми при помощи одних

только ног, оставляя руки, чтобы держать ими большой двуручный меч. И наставники только удивлялись, с каким упорством младший Ос выполнял упражнения. Уже в пятнадцать лет он управлял своенравными аланскими лошадьми не хуже опытных наездников. Коневоды только радостно качали головами и говорили: это растет великий царь.

К слову сказать, аланская конница была одной из лучших в мире. Коней аланы учили ничего не бояться и даже воевать, кусая противника и сбивая вражескую лошадь передними ногами.

Успех арабских завоеваний во всем мире обеспечивало и то, что лошади во всех странах боялись верблюдов. Лишь аланские кони не выказали никакого страха перед величественными «кораблями пустыни», что помогало останавливать арабов.

В стрельбе из лука и во владении мечом среди сверстников царевичу тоже не было равных. Он легко пробивал яблоко стрелой с расстояния двухсот локтей. Старший Ос Багатар не мог нарадоваться успехам своего подрастающего наследника.

Младшие же сыновья не были столь искусными в военном деле, хотя и бились храбро.

Время шло, сыновья взрослели. Старший сын уже командовал конницей. Саурмаг был больше по части приема гостей, неотъемлемым атрибутом которого были роскошные пиршества с обилием вина и мяса. Младший, хоть и повиновался отцу, тоже проводил время в военных походах, но сердце его все больше склонялось к постижению веры Христовой. При нем всегда были Евангелие и Псалтирь на греческом языке, который он к совершеннолетию выучил в совершенстве…

Лет на пять Господь даровал Алании мир и процветание. Враги отложили свои попытки покорения гордого народа, подобно медведям погрузившись в зимнюю спячку. Благодаря усердной заботе византийских пастырей распространялась и крепла на Северном Кавказе святая православная вера. Аланы женились и рождали сыновей и дочерей, разводили скот и выращивали виноград, строили дома и дзуары. Многим казалось, что благоденствие и мир будут длиться вечно.

Луноликая Русудан мечтала выйти замуж за Сослана и несколько раз пыталась выведать у отца, что он думает об этом благородном воине. Ос Багатар, тщательно все взвесив, решил не идти против воли двух любящих сердец. Сослан был красив, смел и благороден, а в стройной Русудан, пышные волосы которой были до талии, а на лице часто появлялась простая милая улыбка, молодой ахсартагат души не чаял.

Несмотря на внешнее благополучие, которое установилось в Алании в тот период, в сердце Оса Багатара росло неясное предчувствие надвигающейся беды. После того, как он отказал Аарону выдать свою дочь за корыстного и трусливого Иосифа и не принял иудейскую веру, его отношения с каганатом стали напряженными. Торговля между двумя государствами не прервалась, наоборот, она увеличивалась. Аланы продолжали охранять границы Хазарии, но между двумя правителями, будто черный ворон, пролетела тень смерти. И Ос Багатар предчувствовал, что это будет его смерть. Он лишь молил Христа, чтобы мог пасть на поле боя, уничтожив множество врагов, чтобы Господь оценил его мужество и ввел в Свои небесные обители, а на земле аланы слагали бы о нем песни. Молил он Христа и за свою отчизну, которую любил больше жизни, и желал, подобно апостолу Павлу, погибнуть за народ свой, только бы он процветал и не отступал от истины Христовой.

В это время в Итиле – сердце Хазарского каганата – обиженный, как побитый верблюд, молодой бег Иосиф, злобствуя и жаждая отмщения за унизительный – так ему казалось – отказ аланского государя, молился по-иному. Надев талес и стоя перед менорой, он просил своего Бога, чтобы тот даровал ему в жены красавицу Русудан:

– Пусть она станет самой красивой жемчужиной в моей сокровищнице – самой богатой и прекрасной во всем каганате. Без этой красавицы я не чувствую, что обладаю всем, не ощущаю себя истинным сыном Божьим. Пусть прольются реки крови идолопоклонников – что мне до

них, но мое желание пусть исполнится, молю тебя, Всевышний… Пусть гордый отец прекрасной Русудан падет от меча, а она станет моей законной добычей.

Аарон II бросает вызов.

Основанием добрососедских отношений Алании и Хазарского каганата было наличие одного сильного и упорного врага – арабов. Искусные в ведении боя, неприхотливые в быту и верившие словам пророка Магомета, обещавшего им райские кущи в Джанаане – прекрасных гурий с глазами, полными страсти и нежности, и после ночи любви восстанавливающие свою девственность; изысканнейшие яства и все, о чем может только мечтать обездоленный жизнью бедняк. Арабы, не боясь смерти, несли имя Аллаха на острие меча, завоевывая народ за народом, опираясь на беднейшие сословия покоряемых государств. Военную аристократию они уничтожали, духовенство брали под свою опеку, и прежде независимое государство становилось частью халифата Омейядов, а позже Аббасидов. Уже появились их эмиры и в Закавказье, унаследовав ту роль, которую играли здесь ранее персидские шахиншахи. Армения и Картли, хоть и формально, признавали власть воинственных халифов, не принуждавших покорившихся им народы к перемене веры.

– Если вы поклоняетесь идолам, то знайте: мы истребим вас, не останется от вас даже праха земного, ибо противны вы Аллаху! Если исповедуете зороастризм, иудейство или христианство, знайте, что мы считаем вас людьми книги – меньшими нас, но все-таки достойными милости Аллаха. Мы сделаем вас только данниками, впрочем, дань вы будете платить нам меньшую, чем платили своим правителям или государям жадных империй. Но стоит вам произнести шахаду, то есть исповедать, что нет Бога иного, кроме Единого, и что Магомет – Его посланник, то кем бы вы ни были – иудеями, христианами или даже язычниками, вы немедленно станете нашими братьями. Какое бы преступление вы ни совершили, простится вам, ибо милостив Аллах, – так проповедовали халифы, привлекая под свои знамена множество новых последователей. Сила их простиралась далеко на восток и на запад. Тучи пыли от копыт их коней и верблюдов заполонили землю. Казалось, что зеленое знамя арабского пророка вскоре будет реять над всем миром. Рвались арабы и на север, к великой степи, но на их пути встали преградой православная Алания и Хазарский каганат.

Алания и Хазария дружили, но объединялись только для борьбы с арабами. Как только, потерпев сокрушительное поражение в нескольких сражениях, последователи Аллаха ослабили свой натиск, Аарон начал с подозрением поглядывать на усиливающуюся мощь православного соседа и после того, как Ос Багатар отказался принять иудейство, постепенно удалил из своего государства всех аланских воинов, заменив их на менее искусных в военном деле, но дешевых степняков. Лишенные жалования аланы, многие из которых за годы своей службы у бега приняли иудейство, роптали на своего правителя, говоря на пирах и посиделках, что виной всех бед Алании стала греческая вера, что помутился ум государя от того колдовского зелья, что вкладывали в его уста золотой лжицей каждую неделю ромейские священники. Ос Багатар старался, как мог, сохранить государство от смуты, но уже понимал, что время дружбы алан и хазар прошло. Византийские послы непрестанно интриговали против бега и доносили до слуха Оса Багатара волю императора, что аланам следует либо уничтожить, либо подчинить себе хазар. Булат должен взять верх над златом. Хазары же напрочь рассорились с ромеями. Появилось в то время на небе и страшное знамение – огромная луна кровавого цвета проплывала над облаками. Среди алан распространился слух: скоро быть кровопролитной войне. Для нее нужен был лишь повод.

Однажды гостил Аарон II в царском замке Оса Багатара, стоящем неприступной скалой в прекраснейшем горном ущелье, над которым в чистом небе парили огромные орлы. Солнце сияло, но при этом приятный ветерок разгонял зной. У всех присутствующих, как гостей, так и хозяев, было прекрасное настроение. После хорошей охоты, когда было убито, много дичи, все пошли пировать в тронный зал. Пока в котлах варилось мясо, стройные чернобровые девушки

исполняли народные аланские танцы, и угощали гостей пирогами. Затем на столы подали мясо убитых на охоте животных и крепкое вино из лучших сортов винограда. Искусные певцы и музыканты услаждали слух пирующих балладами и песнями…

Присутствовали на пиру и сыновья государей – коварный Иосиф и лукавый Саурмаг. За столом сидела также прекрасная Русудан, на которую не мог наглядеться влюбленный в нее рыцарь – сын знатного старейшины могучий Сослан.

Аланский пир – кувд – отличался от пиров других народов тем, что здесь за чашей или рогом вина или пива произносились не тосты, а молитвы.

Во главе стола сидел старейший – дядя Оса Багатара, и слово молитвы передавалось от одного человека к другому. Сначала слово было о Пресвятой Троице, затем об уас Гергие – святом победоносце и великомученике Георгие, покровителе сословия воителей-алдаров. Затем молились о родителях и о благоденствии Алании, чтобы Господь даровал ей мир и процветание. После слова каждого человека все присутствующие запечатывали молитву священным «Аминь». Пировали до вечера, и некоторые из присутствующих опьянели, но не потеряли разума, потому что произносимые молитвы и строгий ритуал пиршества держали ум, как узда опытного наездника горячего скакуна. Тогда, выждав нужный момент, когда говорили о младших, сказал свое слово и жестокий бег Аарон, в лукавой улыбке скрыв угрозу:

– Брат мой, Ос Багатар, величайший воин и благороднейший муж, да пошлет тебе Всевышний премудрость и силу! Много раз мы вместе отбивали атаки арабов и заставили гордых слуг Аллаха смириться перед нашей силой. И теперь в залог нашей дальнейшей дружбы и добрососедства я прошу тебя, мудрый государь, как брата, уважь меня в личной просьбе, чтобы стали мы еще более крепкими союзниками. – Бег, сжимая в руках золотую чашу, ограненную драгоценными камнями, оглядел сидящих за столом алан, многие из которых втайне поддерживали Саурмага, и улыбнулся знатным хазарским гостям. Затем перевел взор на царя: – Государь, в присутствии этих благородных мужей прошу тебя, брат мой возлюбленный, отдай свою дочь, прекраснейшую ласточку Русудан в жены моему сыну Иосифу… – За столом все затихли, внимание пирующих приковали слова Аарона. – …Мой сын очень богат и умен и со временем займет мое место. – Аарон II поднял чашу верх и громогласно провозгласил: – Я хочу сказать свое слово за будущую царскую династию, которая соединит два великих народа – алан и хазар воедино! – После этого бег медленно осушил свою чашу, это же сделали и почти все присутствующие. Лишь вино в чаше Оса Багатара и в чашах его преданнейших доверенных друзей оставалось нетронутым. Их лица будто окаменели, но в сердцах возгорался великий гнев. Сослан же сжал в руках кинжал – больше жизни любил он свою Русудан.

Пирующие мигом протрезвели. Все знали: не в первый просил Иосиф руки дочери Оса Багатара, но тот всегда ему отказывал. Но здесь, на пиру, бег бросил царю прямой вызов – если Ос Багатар не отдаст в Хазарию Русудан, это окончательно испортит и без того натянутые отношения двух государей. А тут недалеко и до войны.

Молчание нарушил сам бег:

– Что скажешь, царь? Нравится тебе мое предложение? – Аарон привстал, показывая, что не сядет, пока не дождется внятного ответа от государя. Напряжение в тронном зале было таким, будто могучий иарт натянул свою тетиву, чтобы поразить стрелой убывающую луну.

Ос Багатар нахмурил свои густые смоляные брови и на минуту погрузился в думу. И думал он в тот момент не о себе и даже не о любимой дочке Русудан, которую уже решил не выдавать замуж за нелюбимого ею, да и им самим хазарина. Царь думал о вдовах, которые будут оплакивать не вернувшихся с поля боя мужей, о детях, что останутся сиротами, о разграбленных селах, чуме и других бедствиях, что принесет с собой война… Но если прогнуться под волей бега, Алания могла раствориться в Вавилоне Хазарского каганата и, мало того, на Кавказе пришла бы в упадок вера Христова, которую Аарон II и его сын ненавидели. Надо было делать выбор. Ос Багатар на мгновение закрыл глаза и тяжело вздохнул. Когда он вновь

открыл их, они были полны ярости. Сверкнув очами на оскалившегося в непонятной ухмылке бега, царь медленно перекрестился и уверенно ответил:

– Кресту Твоему, Христе Боже, поклоняемся и воскресение Твое поем и славим! Я могу, мой соратник по оружию, выдать свою дочь только за единоверца. Пусть славный и умный Иосиф принимает нашу веру, тогда и сыграем свадьбу, которой не видел и никогда не увидит весь Северный Кавказ. – Ос Багатар поднял чашу с вином, что не выпил во время слов бега, поднялся со своего трона и провозгласил:

– За святую православную веру!

Все как один встали аланы, даже те, кто интриговали против царя, и повторили слова своего государя:

– За святую православную веру! Аминь! Аминь!

Бег Аарон II опустился на стул, будто упал на него, и ударил ладонями по столу:

– Значит, ты отказываешь своему брату, с которым пролил немало крови магометан?! Значит, вино нашей дружбы превратилось в уксус?! – Глаза бега поникли, усы и брови опустились, но в зрачках загорелись угли ненависти.

Поднялся бег, хмуро улыбнулся и без слов направился к выходу из тронного зала. За ним последовали приглашенные на пир хазарские гости. Никто не пошел их провожать, только лукавый Саурмаг.

В ту ночь на небе вновь появился кровавый серп луны, и уже ни у кого не оставалось сомнений: быть войне.

Совет степняков в Итиле

После прибытия в Итиль, напоминавший видом своим огромный базар, великий бег сразу же послал на самых быстрых скакунах гонцов к двенадцати племенам воинственных степняков и созвал на совет их вождей. Через некоторое время вожди прибыли в столицу. Старейшины были подобны косматым великанам, а в их раскосых глазах, как ни пытались они это скрыть, пробивались гнев и жажда наживы. Они любили бывать здесь. Итиль, расположенный на острове, образуемом великой рекой и ее восточным притоком, была безопасным и удобным оазисом, где за деньги можно было позволить себе любое развлечение. Хазары не приветствовали аскетизм, и здесь, в Итиле, были в чести тончайшие услаждения плоти.

Великий бег Аарон II принял свирепых видом и нравом старейшин ласково, называя их своими братьями и верными союзниками. Впрочем, он держал себя с ними сдержанно, так как знал, что приветливая улыбка в сторону азиатов-степняков вызывает в ответ лишь хищный оскал, любое великодушие, проявленное к ним, делает их более дерзкими, доброта непременно воспринимается как слабость, а богатые подарки лишь разогревают аппетит.

Другое дело были благородные аланы – дети высоких гор. За добро они всегда платили добром. Несмотря на их воинственность, у них не было желания бесцельного кровопролития и не существовало зависти. Аланы были очень гостеприимны, сердцем чувствовали врага и боролись с ним по-богатырски.

Бег часто восхищался благородством алан, он уважал их за доблесть и мужество, но отказ Оса Багатара наполнил его сердце ядом мщения – какое неуважение было проявлено к нему! Да и кому нужно это хваленое благородство Оса Багатара? Когда вокруг волки, пощады не жди. Как учил равви Шима, ученый константинопольский еврей, один из тех, кто в последнее время во множестве прибывали в Хазарию для утверждения в каганате иудейства, не нужно дожидаться пока враг нападет на тебя, нужно ударить по нему первым. Хотя хазары жили только по Торе, не принимая Талмуд, что вызывало раздражение у еврейской диаспоры, многие талмудические положения были по сердцу великому бегу. Не нужно дожидаться, пока враг нападет на тебя, нужно ударить по нему первым! Это Аарон и собирался сделать. Но что можно противоставить отваге и мужеству? Лишь хитрость и предательство.

Вожди двенадцати степных племен расселись кругом на пуховых подушках в большой просторной юрте, увешанной изнутри прекрасными персидскими коврами и специально предназначенной для приема подобных хищников великой степи. Молодой бег Иосиф по древнему степному обычаю лично угостил их кумысом. Начался совет, на котором обсуждался план нападения на Аланию и свержения власти Оса Багатара. Аарон не хотел уничтожения алан – кто как не они помогут каганату, когда эти же хищники-степняки захотят разграбить Итиль, на богатство которой давно разгорались их раскосые глаза?

Хазарскому царю Алания была даже необходима, потому что и арабы собирались с новыми силами для рывка на север. Все бы было хорошо, но Ос Багатар повел себя так неразумно! По мнению Аарона, его поведение граничило с глупостью. То ли дело его сын Саурмаг, который давно дружил с младшим бегом Иосифом. Из него получился бы отличный аланский правитель, выгодный для Хазарии. Сама Алания при нем влилась бы в состав Хазарского каганата, и объединенное государство приобрело бы невиданную доселе мощь. Но для этого нужно было, чтобы правящий класс и воинская аристократия аланов – алдары – обратились бы в иудейство…

Аарон в беседе со степными грабителями вел расчетливый торг. Степняки торговались за каждую мелочь. Слово взял могущественнейший из старейшин – Анвар:

– Великий царь! У алан имеются свои неприступные, словно скалы, замки в горах. В них достаточно воинов для отражения любых атак. Как говорят булгары, между этими замками

есть тайные ходы и ущелья соединены сетью троп, ведомых только аланам. Как трудно поймать орла, так же трудно покорить этих детей гор. На равнине же у них неприступные крепости и многочисленные конники, которым нет равных во всей великой степи. Столица Алании – Магас, хорошо укрепленный город со рвами и многочисленными крепостями вокруг. И потом – аланы не держат у себя много золота не накапливают сокровища. Но дерутся до последнего. Ай! Если бы у них было много сокровищниц – богатых ульев, давно набросились бы мы на них, как осы на варенье, и расхитили все подчистую. Но это, увы, не так. Риск велик, а награда для нас ничтожна. – Анвар слегка поклонился. – Но ты мудр, великий царь, поэтому дай нам вразумительный ответ: для чего нам идти на Аланию? Мы только-только собрались идти на север пограбить… – Другие старейшины закивали головами, поддерживая собрата. – Сколько ты заплатишь нам за этот поход, в котором мы потеряем много своих воинов, хотя и неизвестно, увенчается ли он успехом?

Аарон улыбнулся:

– Тенгри любит тебя, могучий Анвар; пусть стада твои множатся и кони пасутся на моих пастбищах, нам незачем захватывать Аланию. Главное, что нужно сделать, – это выманить их правителя Оса Багатара с небольшим войском под предлогом помощи нам, хазарам, – ведь мы еще как бы союзники. И окружив, разбить и вырезать войско до последнего воина, а самого царя доставить в Итиль живым или мертвым. Лучше живым – награда будет выше. Как мы это сделаем – давайте обсудим. Награду обещаю достойную… Есть и еще одно дело. – Аарон посмотрел на своего косматого рыжего сына Иосифа. – У царя есть прекрасная дочь по имени Русудан. Младший бег хочет получить ее в жены и, клянусь гробницей моей матери, он ее получит. Мне нужен отряд отчаянных разбойников, знаю, есть среди вас умельцы, которые смогут выкрасть ее, только ее одну, из замка. Отряд похитителей возглавит один мой доверенный человек из персидских купцов. Дело это сложное, нужны люди хитрые, притворчивые и удалые, а также умеющие хранить секреты. Выкрасть Русудан надлежит тихо и аккуратно. Как кобчик ловит ласточку и уносит ее в заоблачные выси, так и вы унесите красавицу-царевну в Итиль… – Хазарский царь нахмурился. – Но чтобы ни один волос не упал с ее головы! Если это случится, жестоко истребится все племя, из которого будет обидевший невесту моего сына человек, я запрещу даже произносить имя народа того в степи…

Степняки уважительно посмотрели на бега и заулыбались, обнажая кривые желтые зубы:

– Все сделаем, как ты прикажешь, господин. Но прежде чем обсуждать такие серьезные дела, давай условимся о цене…

Долго беседовали степняки, обсуждая детали сделки с хазарским государем Аароном II и его сыном. Сплетали коварные планы по уничтожению Оса Багатара и пленению Русудан. Во время беседы бегу, его ближайшим советникам и старшинам племен предлагали различные яства и напитки, потому что почти до заката солнца обсуждали они свои темные дела…

Но не знал Аарон, что среди женщин, обслуживающих совет и наливающих в чаши вино, была одна булгарка, подкупленная аланским шпионом, который жил в Итиле под видом богатого купца, поставляющего коней и оружие из Алании. Шпион этот был вхож во многие влиятельные дома хазарской столицы и был дружен даже с иудеями. Когда в Итиль прибыли старейшины степняков, он быстро сообразил, что дело нечисто и начал свою работу, которую знал хорошо. Шпион знал также, что начальник тайной службы Алании прикажет его казнить, если он не предпримет того, что должен был предпринять. Тем более, что знал он о напряжении, возникшем между двумя государями. В дело пошли деньги и связи. Шпион созвал своих агентов и приказал подкупить кого-нибудь из бегской прислуги, не жалея денег. Пусть выяснит любыми путями, что замышляет коварный бег. Удалось подкупить бегскую служанку, с которой один из агентов аланского шпиона состоял в любовной связи.

Подкупленной женщине удалось подслушать только часть беседы бега со степняками, ту, когда Аарон предлагал племени Анвара напасть и разорить приграничное с Аланией хазарское

селение – хазарский царь не щадил даже своих подданных. Пусть оставшиеся в живых селяне зажгут особым образом сложенный костер на возвышенности – знак того, что нуждаются они в аланской защите. Аарон же отправит на самом резвом скакуне в Аланию своего гонца с лживым письмом, в котором бег попросит лично Оса Багатара вступится за него, союзника, и наказать немногочисленное племя Анвара. Зная характер аланского царя, Аарон не сомневался, что он лично возглавит карательный отряд.

Шпион, которого звали Ацамаз, сначала подумал, что женщина нарочно наговаривает на бега, чтобы получить деньги, но затем убедился в ее искренности и, щедро наградив, отпустил с миром. Затем Ацамаз срочно послал начальнику тайной службы Алании письмо, написанное тайнописью. В письме он сообщил о совете степняков в Итиле и изложил все, что услышал от подкупленной им женщины. Гонец выехал затемно…

…После заговорщического совета степняков великий бег и его сын Иосиф остались наедине. Злопамятный Иосиф, взъерошив в ярости свои рыжие волосы, призывал и умолял отца после пленения Оса Багатара и похищения Русудан отдать Аланию на растерзание степнякам. Этим он полностью отомстит за нанесенную царем обиду.

– Слишком мягок ты, отец, с этими христианами, соблазненными недостижимой мечтой о святости. Давай воспользуемся случаем! Мы расправимся с Осом Багатаром, а потом перебьем их всех. Я не пожалею даже Саурмага! Ведь они, глупцы, жаждут стать мучениками и побыстрее уйти к Распятому. Истребим же их до последнего воина, женщин уведем в полон, а из детей сделаем преданнейших слуг каганата! Присоединим к себе обширные аланские земли и населим их степняками. Будем стравливать их между собой и таким образом держать в повиновении. Что скажешь, разве я не прав, отец?

Лишь улыбнулся на эти слова великий бег:

– Хоть ты и умен, сын мой, и деньги любят тебя, но нет у тебя необходимого для государственных дел опыта и не научился ты еще обуздывать свой разум от гнева. Слушай слова отца своего – в этом твоя жизнь, ибо не желаю я тебе зла.

Наш великий предок – хазарский царь Булан в поисках истинной веры, обратился к представителям разных вер после того, как ангел Всевышнего, пришедший к нему во сне, приказал ему построить скинию завета. Греческий пресвитер и мусульманский кади, как рассказывал мне дед, в результате многодневного диспута признали, что вера Израиля лучше других вер. Булан прошел обряд обрезания, после чего благородная часть народа последовала его примеру. Затем бег послал за еврейскими мудрецами для обучения божественному закону, которого мы придерживаемся до сих пор. Впрочем, мы, не дав подавить себя христианам и мусульманам, не даем подавить себя и персидским иудеям, отрицая их главную книгу – Талмуд. Мы современны, развиты и независимы. Молю Всевышнего, чтобы так было и дальше.

Ты знаешь уже многое, мой сын, о священной роли кагана и о тайной науке держать свой народ в повиновении, но в большой политике ты пока еще младенец.

Бег тяжело вздохнул и с любовью посмотрел на сына:

– Иосиф, мой отец, обладал властью над нашим великим государством, которую, в свою очередь, получил от своего отца – моего деда.

Он передал мне ее в целости и сохранности и заповедал, чтобы так же поступил бы и я – передал своему сыну не только трон, но и знания, как управлять нашим большим государством и отражать атаки неприятеля. Сейчас я тебе передам часть этих знаний. Слушай же, Иосиф.

Греки давно натравливают алан против нас. Шпионы докладывают, что император Роман в любую минуту готов развязать кровопролитную войну. С ромеями алан связывает вера, но ничего больше. Наши братья натравили на Царьград с помощью дипломатии коварных болгар. Выступят они в свое время – и греки не смогут помочь Алании. Тогда мы победим алан с помощью наемников, но проявим милость, и как оступившихся братьев ты, Иосиф, простишь их и возьмешь в жены прекрасную Русудан.

Но если мы уничтожим Аланию, то значительно ослабим свои силы в последующих войнах, и этим не. преминут воспользоваться византийцы, Русь и тюрки, которые усиливаются с каждым годом. Алания – это сильное тело, и мы можем направить его против наших врагов. – Бег внимательно посмотрел на сына, который еще не понимал, куда он клонит.

– Есть на земле такое животное – крот, слепой подземный грызун. Жизнь заставляет его на зиму заготавливать себе запасы, иначе он умрет с голоду. Так вот, летом крот ловит дождевых червей, но не убивает их, а лишь отгрызает им головы. Затем он уносит добычу глубоко под землю. Обезглавленные черви еще продолжают жить и безвольно извиваться, но уже не могут уползти из подземного хранилища. Таким образом, крот и зимой, и летом всегда питается свежим мясом. – Бег выдержал продолжительную паузу.

Прояснилось лицо Иосифа:

– Я понял тебя, отец! Чтобы покорить народ, надо его обезглавить, а затем питаться его безвольным телом.

– Ты понял все правильно, – облегченно рассмеялся Аарон. – Я в этом ничуть не сомневался. Твоя покойная мать и все наши предки по праву могут тобой гордиться. Наш союзник Саурмаг хоть и лукав, но непутев. Женщины и вино – его стихия. Оставим ему воздушный замок, в котором он будет мнить себя правителем. Пусть в нем будет столько же женщин, сколько уготовал Аллах своим последователям, пусть вино в нем льется рекой, и в золоте он никогда не будет испытывать недостатка. Полностью зависимый от нас и изнеженный женщинами, он станет шелковым платком, которым мы утрем пот со своих лиц, наконец-таки поставив на колени гордую Аланию. Грозных алдаров мы обратим в иудейство. Это будет легко – не для свирепых медведей мирное учение Христово. Обвиним ромейских священников в попытке закабалить алан, и они сами изгонят своих пастырей за пределы государства. Константинопольские раввины помогут нам в этом деле. Остальные аланские сословия покорятся быстрее, чем Саурмаг обнажит свой меч.

Иосиф нахмурился.

– А как же быть с наследником царя – молодым Осом Багатаром, ведь доблестью и нравом он не уступает своему отцу?

Бег кашлянул в кулак и отвел взгляд. Его и самого беспокоил этот вопрос. Хорошо подумав, бег отвечал:

– Наследник не уступает отцу и в фанатичной преданности христианству, но значительно уступает в опыте управления государством. Он хороший воин – не более того. Когда аланы освободятся от этого нелепого учения, они изгонят и своего законного государя, как и его кроткого брата Иуане, поверь мне.

– Хорошо бы, если так!

– Да исполнится воля Всевышнего! Алания нужна нам и продолжит свое существование, подобострастно извиваясь перед нами, подобно дождевому червю перед кротом.

– Да… Алания нужна нам… Но без головы! – Лицо Иосифа налилось кровью от переполнившего сердце гнева. – Позволь, отец, мне лично обезглавить Оса Багатара, если мы, конечно, возьмем его живым!

Великий бег нахмурился и долго не отвечал.

– У тебя есть такое право, сын мой. Но хватит ли у тебя мужества? Даже скованный сотнями прочных цепей, каждую из которых не сможет порвать ни один богатырь во вселенной, страшен Ос Багатар, ведь убить способен даже его взгляд, даже дыхание его ядовито для тех, у кого недостает мужества. Лучше мы убьем его чужими руками, чтобы остаться друзьями для алан, – ведь они почитают его первым среди ахсартагатов и, конечно же, не смогут оставить его смерть без достойного отмщения.

Иосиф склонил голову перед мудростью отца:

– Да будет, как ты скажешь, великий царь!

Ос Багатар принимает решение

Гонец от купца Ацамаза добрался до высокогорного ущелья, где располагался один из военных замков алан, охранявший древние горные ворота в Закавказье – Дарьалан, поздно ночью. Сегодня было новолунье, но гроздья звезд, рассыпанные щедрой рукой Божьей, освещали путь скакуну и наезднику, который и не подозревал, какую грозную весть везет он царю.

Пройдя через несколько патрулей и миновав не менее сотни сторожевых башен, утомленный всадник, наконец, остановился у больших врат военного замка и отдал своего скакуна услужливому конюху. Именно здесь – в Дарьаланском замке временно остановился Ос Багатар и его дружина. Основные же силы алан находились в этот момент на равнине близ Магаса под предводительством старшего сына Оса Багатара. Царь постепенно приучал наследника к государственным делам, нисколько не опасаясь, что тот совершит переворот. Это было совсем не в духе ахсартагатов.

Через Дарьалан – Аланские врата – проходила одна из основных нитей Великого шелкового пути на Кавказе. Контроль за этими вратами был жизненно необходим для существования Аланского государства. Здесь непрестанно двигались караваны с превосходнейшим китайским и согдийским шелком, персидскими, арабскими, сирийскими и египетскими предметами роскоши, которые везли вездесущие еврейские купцы, которых называли рахдонитами – ведающими путями. На Руси они закупали меха, воск, мед, лен, в Хазарии – кожу, соль и рыбий клей. Возвращаясь с рынков Закавказья, Константинополя и Херсонеса, купцы увозили ковры и богатые ткани, кувшины, стеклянные сосуды и женские украшения. Все караваны облагались аланами пошлиной. Купцы платили не только за проезд по аланским владениям, но и за проход по мостам и перевалам, за услуги знающих тропы проводников, а также оплачивали работу выносливых носильщиков…

Прочитав послание шпиона, начальник тайной службы не постеснялся разбудить царя среди ночи. Ос Багатар вышел из опочивальни через несколько минут, понимая, что начальник тайной службы не стал бы будить его без особой надобности:

– Чего тебе?

Начальник тайной службы Давид почтительно поклонился государю и перевел ему письмо шпиона:

– «Как сообщает наш человек в Хазарии, позавчера в Итиль прибыли старейшины двенадцати степных племен, которых созвал бег, чтобы составить с ним хитрый план по выманиванию тебя за пределы Алании. Бег хочет тебя уничтожить, пользуясь тем, что Алания все еще является союзницей каганата. Кто, как не он, знает о твоем благородстве? Тебе, судя по всему, пришлют лживое послание, чтобы ты поспешил хазарам на помощь и, как муха, попался в расставленную Аароном и степняками сеть. Более о замыслах коварного бега ничего не известно. Но ясно одно – они хотят провернуть это черное дело в ближайшие недели». Что скажешь, государь?

Ос Багатар нахмурился.

– А что ты скажешь, Дави, ведь ты один из моих преданнейших и мудрейших людей? Ты пока говори, а я послушаю.

Начальник тайной службы Алании, действительно, был человеком мудрым и сведущим в большой политике, поэтому к его словам государь нередко прислушивался. Он начал свою речь вкрадчиво и неторопливо:

– Мой государь и мой любимейший друг, за которого я без колебания отдам свою жизнь. Мое мнение таково: мы должны послушаться императора Романа, который начал в Византии преследовать иудейскую веру, потому что сильно она распространилась по всему свету, в том

числе и благодаря каганату. Император готовится к войне против хазар, потому как не могут ужиться два больших медведя в одном ущелье. И кто-то должен напасть первым.

– Так ты считаешь, что это должны быть мы? – Ос Багатар нахмурился еще больше.

– Так считает император. Роман – светоч православной веры – нелицемерно называет тебя своим духовным сыном; ты же разумеешь звание свое – нарочно для аланского государя ромеи даже создали титул – «эксусиократор». Такое высокое доверие требует трепетного отношения. Хазары же вечно строят нам козни, а их беги исповедуют иудейство. Разве могут быть какие-нибудь колебания, чью сторону мы должны принять?

Было время, когда мы вместе с ромеями и хазарами боролись против арабов. Когда усилились булгары, мы также нуждались в бегах. Теперь это время прошло – арабы утихомирились, а булгары убивают себя сами кровавыми междоусобицами. Теперь наступило время выбора, в какую сторону нам идти. С хазарами нас, конечно, связывает близкое соседство, торговля и много летняя дружба; но с ромеями нас роднит православная вера, которой ты, государь, так свято предан.

Византия ныне – самый большой противник хазар и мы, как государство небольшое, не сможем оставаться в стороне от будущей войны греков с хазарами. Я, кажется, разгадал интригу Аарона – он хочет уничтожить тебя хитростью и поддержать в праве на трон Саурмага, который, как ты знаешь, дружит с младшим бегом Иосифом. С твоей гибелью – да не допустит того милосердный Господь – в Алании начнется междоусобная война и распря между твоими старшим и средним сыновьями. Прольется кровь многих сынов нашего народа. Если Саурмаг победит, то я не сомневаюсь, что с его помощью хазары начнут такое же гонение на христиан, какое в Византии идет против евреев…

Ос Багатар помолчал, на его лице не отразилось никаких чувств. Затем он посмотрел в окно замка.

– И что ты предлагаешь, мой преданный друг?

Начальник тайной службы сейчас не видел лица своего правителя. Но отвечал он так, как способный ученик отвечает хорошо знаемый им урок. У него было готовое решение проблемы – оно пришло в Аланию из Константинополя.

– Византийцы предлагают напасть на каганат в союзе с Русью и значительно ослабить Хазарию. Мы можем сменить иудейскую династию Булана и поставить на место бега своего человека. Тем более, что мой шпион, вхожий во многие дома хазарской знати, говорит, что есть среди хазар такие военачальники, которые уважают православную веру и способны, с нашей помощью, совершить в каганате военный переворот. Мы можем принять предложение Византии и вступить в борьбу против каганата. Не сомневаюсь, что часть утерянного влияния Хазарии мы подберем под себя. Думаю также, что чем скорее, тем лучше Саурмага нужно заточить в крепость, чтобы связать ему руки. А когда хазары позовут на помощь, думаю, надо в ответ выступить с большим отрядом и захватить несколько крепостей. Это будут наши бастионы в дальнейшем ведении войны.

– То есть, мы должны объявить Хазарии войну?

– Лучше всего напасть на Хазарию без объявления войны, когда ромеи нападут на Понтийское побережье. А пока просто захватить крепости и ждать. Аарон поймет, что ты перехитрил его, разузнав о его коварных замыслах.

– То есть, нам следует ждать, пока греки нападут, сидя в захваченных хитростью крепостях соседа? – Ос Багатар достал из кармана гребень и расчесал широкую черную бороду. – Я знаю, Давид что ты предан мне, и хорошо, что ты знаешь свое дело. Я не знаком с твоим шпионом в Итиле, я понимаю, что он не даром ест свой хлеб. Но, несмотря на это, я не верю, точнее, совершенно не желаю верить, что Аарон может поступить так неблагородно…

Давид хотел было ответить, но Ос Багатар жестом приказал ему молчать:

– Мы с Аароном – цари, а у царей свои счеты и свои понятия о чести. Если бы он был простым степным хищником, то я бы поверил сообщению твоего шпиона, но ведь он великий бег Хазарского каганата, с которыми не брезговали родниться и византийские императоры. Разве орел станет подобно воронам отбирать хлеб у воробьев? Разве великий царь может поступать, как безродный нечестивец? И разве его собственная вера позволяет с помощью коварства предавать друзей? Нет, Дави… Что скажут об Осе Багатаре потомки, если я предам своего союзника? Что скажут, если приведу свою конницу на земли соседа и вероломно займу прибережные крепости, вытоптав и разорив хазарские земли? Даже если Аарон действительно готовит мне ловушку, я не могу уподобляться ему. Любой аланский воин скажет, что это неблагородно, и мои собственные сыновья не смогут мною гордиться. И Господь наш Иисус Христос не упокоит меня в своих обителях…

Начальник тайной службы поклонился государю.

– Прости меня, аланский царь Ос Багатар, за мои дерзкие речи. Ты, как всегда, прав – царю следует оставаться благородным до самой смерти. Но молю тебя Христом Богом, когда придет письмо от хазар с просьбой о помощи, не вставай во главе отряда сам, а поставь своего военачальника. Поставь меня!

Ос Багатар повернулся лицом к начальнику тайной службы:

– Давид, перед тем, как ты разбудил меня, я видел странный сон. Я помню его так ясно, будто все случилось со мной наяву… Я переходил через длинный мост, сотканный будто из света и связывающий края широкого ущелья, которого я никогда не видел. Это, без сомнения, было самым великим ущельем во вселенной – на всем Кавказе не встретишь такого…

За мной и передо мной шло много людей разных вер, принадлежащих к разным народам – потомки Сима, Хама и Иафета. Под мостом чернела бездна, дна которой не увидел бы и самый зоркий лучник. Многие и многие сыны Адамовы срывались с моста в эту ужасную пропасть. Некоторых из идущих поддерживали светоносные мужи с крыльями, других сшибали в пропасть безобразные птицы с телом и крыльями грифа, но лицами, напоминающие жестоких тюркских багатаров – каджи, обладающих воистину дьявольской душой и в бесновании с которыми никто не может сравниться. Многие попадали, но были и такие, кто проходил путь до конца.

Я шел по мосту смело – мою совесть не отягощал ни один неблагородный поступок. Но даже если бы по своим грехам я упал в эту пропасть, то летел бы в нее, прославляя правосудие Божье. И даже в чреве глубочайшей бездны я продолжал бы славить Создателя, как пророк Иона в чреве кита, насколько бы мне хватило сил. Я молился своему военачальнику Иисусу, и ноги мои не колебались. Грифы-каджи старались привести меня в смятение и налетали на меня со всех сторон, устрашая яростными гримасами. Но не убоялось сердце мое – я взирал лишь на светоносных мужей, ободряюще улыбающихся мне.

Во сне время течет очень странно, но я помню, что шел очень долго – будто проходили месяцы и даже годы, пока не приблизился я к концу своего пути.

У края ущелья стоял сильный светоносный муж с огненными очами. Он со светлой улыбкой принимал тех, кто дошел, подобно победителю, до предела моста. Дошедших ангелы облачали в солнечные одежды и вводили в светоносные чертоги. Истинно говорю тебе: я видел среди этих людей многих воинов из моей личной охраны! Затем я остановился в пяти локтях от сего светоносного мужа и спросил:

– Позволишь ли мне, господин, облачиться в солнечные одежды вместе с моими преданными воинами?

Улыбнулся светоносный муж и отвечал:

– Позволю, если поступишь, как ты привык поступать. Оставайся царем до конца, Ос Багатар, оставайся благородным даже ценой смерти. Сохранишь ты тогда свое благородство во веки вечные и будешь за это увенчан Царем нашим Христом Богом…

Затем в дверь постучался ключарь и молитвой разбудил меня. Я поднялся, но сон, словно запах прекраснейшего цветка, который недавно унесли, не переставал стоять перед моим внутренним взором. Я слышу этот чудный запах до сих пор.

Я вышел в тронную, увидел тебя и сразу понял: сон мой как-то связан с известием, которое ты мне принес. Хорошие вести обычно умеют ждать до утра, значит, другого быть не могло – пришел ты с бедою. Значит, время дней моих исполнилось и надлежит мне уйти. Достаточно повоевал я на земле, и зовет теперь меня небесное воинство.

И вот теперь этот разговор с тобой, о том, как надлежит нам вероломно напасть на Хазарию, чтобы соблюсти собственные интересы и спасти нашу страну. Знаю, Дави, что болеешь ты всей душой за Аланию, сильно болеешь, но от твоих речей смутилось сердце мое – заболело оно от неясной тоски. Неужели, прожив всю жизнь как ахсартагат, умру я как сидящий под мостом, как родившийся среди рабов, а не аланских царей?

Чувствует душа моя, что окончился мой земной путь. Долго управлял я своей страной, вершил суд и наказывал нечестивых, одаривая праведных, строил дзуары и помогал бедным, защищал своих подданных изо всех своих сил. Алания – это мой Дзуар, мой Крест, и я нес его, насколько мог, достойно. Но сейчас мне нужно подумать не только об отчизне, но и о душе своей, чтобы и мне облачиться в солнечные одежды и войти в царство Христа Бога вместе со своими преданными воинами, моими соратниками.

Если Аарон пришлет письмо с просьбой о помощи, я поспешу ему на помощь со своим отрядом преданнейших людей. Алания и Хазария союзники и обязаны помогать друг другу. Если он и вправду готовит мне ловушку – это его головная боль и тягота, с ней он высоко не поднимется, поверь мне. А во мне еще жива вера в благородство царей!

– Но, государь…

– Слава Богу, я воспитал государя, носящего мое имя и достойного в ближайшем будущем занять аланский трон. С ним я спокоен за благоденствие моего государства. Будь же спокоен и ты, Давид, и служи ему верой и правдой, так же, как служил мне. Теперь он – аланский царь. Как написано в Писании: «Ему должно расти, а мне умаляться». Если мне суждено погибнуть, пусть он сам решает, нападать на Хазарию в союзе с ромеями и Русью или нет. Верю, что хватит у него мудрости принять верное решение. Я же должен приготовиться к смерти. – Глаза аланского правителя увлажнились слезами. – Прости меня, мой друг, Давид, если чем-нибудь когда-то тебя обидел. И еще: береги мою чистую голубку, отраду сердца моего кареглазую Русудан, как зеницу ока. И да воздаст тебе Господь за твое верное служение мне.

Ос Багатар дал понять, что разговор с начальником тайной службы закончен, и уверенным царским шагом вышел из тронного зала. Давид проводил глазами царя и тихо заплакал без слез – он первым оплакивал великого Оса Багатара, которому – это он чувствовал – суждено было скоро погибнуть.

Ос Багатар и небесная рать

Смерть великого христианина не может быть случайной, нелепой или напрасной. Смерть похищает обычно беспутных грешников, тщетно надеющихся на милость Божью, потому как милосердный Господь врачует души, но не потакает болезням. Похищает же таких грешников внезапная смерть, как кобчик синицу, отделяя душу от тела, как молния в ясный день. И трепещет бедная душа в тесноте и темноте, в ожидании Страшного суда Господня.

Великие же души Господь оберегает до смертного одра, Сам промышляя, где такой душе родится и как умереть. И даже если такой человек отступит от веры и праведности по слабости человеческой, не отступит от него Господь, ибо возлюбил Он этого человека и будет бороться за него до конца перед прожорливым чревом адовым, против духов злобы поднебесной и начальника всякого зла – лукавого диавола.

Но Ос Багатар не отступал от чести и праведности, поэтому Военачальник Христос Сам открыл ему близкую кончину – так он поступает только с близкими друзьями Своими.

Через седмицу после разговора с начальником тайной службы Давидом и вещего сна, хоть и предвещавшего скорую смерть, но ободрявшего надеждой на то, что обретет он вскоре милость перед престолом Божьим, аланский государь получил послание от хазарского бега Аарона II, которое привез в Дарьаланский замок хазарский наездник. Послание было написано на свитке из тонкой выдубленной кожи серны и запечатано каганской печатью. Ос Багатар уже знал содержание этого письма, как будто мог видеть через кожу и стены:

«Мой возлюбленный брат и верный союзник, благородный Ос Багатар, ты уже, наверное, знаешь, что лютый волк, безбожник и хищник Анвар – вожак стаи степных кочевников и грабителей – напал на поселение моих подданных – мирных крестьян, которых полностью ограбил и разорил: всех людей вырезал, женщин и детей увел в плен, как скот, и безнаказанно ушел с добычей обратно в степь, похваляясь своей удалью перед другими детьми степи. Он остановился в трех днях пути от Дарьалана, и отряд его немногочисленен. Прошу тебя, царь, забудем наши распри и взаимные обиды. Накажи Анвара, как того требует твой союзнический долг, ведь обещал ты охранять наши прибережные земли, как свои собственные.

Твой брат, Великий бег Хазарского каганата Аарон II».

Забилось сердце царя: пришел его час. Но не мог он отправить своих бойцов на верную смерть. Собрал он в замке большой ныхас – совет – и рассказал друзьям своим преданным о донесении итильского шпиона и о своем вещем сне, где многих воинов видел он облачающимися в солнечные одежды.

– На смерть идем, друзья! Но не могу я оставить вас в неведении о том, что ждет нас. Каждый из вас должен сделать свой выбор сам.

Не было ни одного воина из числа личной охраны государя, который бы отказался от опасного похода. Всадники ликовали: «Да исполнится воля Божья! Аминь! Аминь!» И правда, редко какому алану суждена такая славная смерть, которая ждала их в степи. Смерть, что вычеркивала их из земной жизни, но открывала путь в небесные чертоги.

Вручил Ос Багатар руководство Дарьаланским замком любимой дочери Русудан, простился с ней и со своей личной охраной из двухсот всадников направился в степь. Всадники были удалы, и сражаться было им в радость. Ни одному из них не было больше сорока лет. Алдарам было стыдно доживать до старости, и в давние времена многие аланские воины солидного возраста просили своих ближайших друзей задушить или заколоть их, сдыдясь своих лет. С просвещением Алании светом Христовой истины этот варварский обычай канул в лету, но никуда не делась удаль алдаров.

Многие из всадников царя уже позже, в пути, даже молили Бога, чтобы войско кочевника Анвара не оказалось малочисленным, как о том упоминал в своем послании хазарский

бег. Чтобы наверняка уничтожить царя, бег мог подкупить несколько племен, и тогда против двухсот всадников могла восстать целая тьма. Аланы жаждали настоящей сечи, чтобы налетать на врагов своих, как голодные на сытых, и изведать сладость настоящего сражения, ведомую только прирожденным воителям. Вышли всадники из замка уже за полночь, оседлали своих верных коней, простились с оруженосцами и тронулись в путь, запев хором боевую песню:

Степь дрожит, земля трясется,
Рать аланская несется.
Меч в руках сжимает царь,
Наш отважный государь.
Мы за ним вослед идем,
Песню ратную поем.
Кони ржут, копытами стучат,
Звезды с небом об аланах говорят.
Рать небесная взирает с гор седых
На царя и воинов удалых.
Меч в руках сжимает царь,
Наш отважный государь.
Мы за ним вослед идем
Песню ратную поем.
Негодяи точат копья и мечи
И зубами щелкают в ночи.
Ждет алана-воина после смерти рай,
В ад сойдет бесчестный негодяй!
Меч в руках сжимает царь,
Наш отважный государь.
Мы за ним вослед идем
Песню ратную поем.
Будет завтра литься кровь рекой
Смерть возьмет тогда меня с тобой.
Не угаснет наша сила, не уйдет —
Рать аланская в небесную войдет!
Меч в руках сжимает царь,
Наш отважный государь.
Мы за ним вослед идем
Песню ратную поем…

Могучие голоса поющих всадников мощным эхом отзывались в ущелье. Простые люди могли слышать, как силен дух аланских воинов. Звуки этой боевой песни успокаивали их больше, чем колыбельная.

Целый день спускались воины с гор, спускались осторожно, беспокоясь, чтобы не побили кони копыта свои о камни. Царя приветствовали в ущельях и аулах, воины сторожевых башен отдавали правителю честь, но у него не было времени разговаривать с ними – слишком далеко мог уйти Анвар в степь со своей добычей – женщинами и детьми. Царь думал только о том, как наказать степного волка. Забыл Ос Багатар даже про недавний вещий сон.

Погода резко ухудшилась. Над горами сгущались мокрые серые тучи, неспешно плыли они по небу, как огромные рыбы в Черном море, цепляясь за Кавказский хребет плавниками… Ночью медленно вставала луна, гремел, разбрасываясь молниями, уац Илла – святой пророк

Илья, и шел сильный дождь. Укрывшиеся в одном из сторожевых замков, воины беззаботно спали, как младенцы: не беспокоил их ни гром, ни мысли о предстоящем сражении…

Лишь на третий день достигли воины разоренного селенья. Остановились всадники и долго молчали. Картина, открывшаяся их взорам, была до боли знакома: дома, хлевы и кузницы кочевники сожгли дотла, скот угнали. Повсюду лежали окровавленные трупы крестьян – пища воронов и грифов. В воздухе стоял тошнотворный приторный запах тления и смерти. Задумался царь, нахмурил брови: почему бег не повелел предать тела этих несчастных земле?

Вышел тогда из ближайшей рощи к всадникам старик с пустыми круглыми глазами, устремленными в никуда, и с грязной всклокоченной бородой. Он рассказал про жестокости Анвара, упивавшегося кровью невинных людей, как волк упивается кровью похищенной овцы. Плакал старик, что потерял пять сыновей – их убили степняки; шесть дочерей и двенадцать внуков, как котят, унесли кочевники в степь. Были здесь две ночи назад и хазары, но бег приказал не хоронить убитых до прибытия аланского царя, чтобы еще более разжечь воинский пыл Оса Багатара, чтобы воистину познал он, как жесток и беспощаден этот кочевник. И как невероятно подл!

Не понять этого было мудрому Осу Багатару. Хоть и доблестны в бою были аланские воины, а порой и свирепы, но не было в них жестокости, не любили они мучений человеческих и даже с врагами своими проявляли благородство. Гостеприимны были аланы и не могли отказать в гостеприимстве никому – даже лютым врагам своим…

…Однажды пришел к одному аланскому набожному крестьянину бес и, искушая его, попросился на ночлег. Почувствовал крестьянин, что перед ним вражина, но не смог попереть закон гостеприимства и впустил его в дом, чтобы тот обогрелся у очага, поел и поспал. Вошел демон в дом, но не смог здесь долго оставаться.

– Не могу я повредить тебе, потому что ты свято соблюдаешь закон гостеприимства, – жжет меня это. Так что пойду я! Вот только уац Илла хочет уничтожить меня своим небесным огнем, поэтому, когда уйду я, вынести на улицу табуретку, на которой я сидел, чтобы не поразила твой гостеприимный дом молния.

Сказав это, бес исчез. Смекнул тогда крестьянин что бес правду говорил, и выкинул табуретку, на которой сидел нечистый. И тут же, испепелила ее молния…

Но, кроме благородства, в мире существует еще и подлость, вместе со своей сестрой жестокостью. И вздумали подлость и жестокость Анвара побороть благородство Оса Багатара. Бешено колотилось сердце царя от переполнивших его противоречивых чувств.

Не всякий слух человеческий сможет стерпеть слова о жестокостях Анвара, ни один выживший из ума не способен придумать то, что сотворил этот хищник с мирными земледельцами. Поговорив с аланскими всадниками, старик принялся жалобно причитать и, сидя на земле, корявыми пальцами нещадно терзать свою бороду. Бесцельно блуждал взгляд его по земле, не нужна была ему более жизнь. Вскоре упал он навзничь, захрипел и испустил дух от великих душевных страданий и телесного истощения.

Поднял тогда Ос Багатар свой меч:

– В погоню!

Разгневанные увиденным, воины загикали и ринулись в погоню за жестоким кочевником. Переплыли на конях реку и поскакали в степь, дав себе зарок не спать, пока не достигнут стана Анвара.

Скакали они день и ночь, давая лошадям лишь небольшой отдых. Ранним утром остановились. Опытный следопыт определил, что стан Анвара всего в нескольких часах пути от их привала. Хотели было всадники сразу поскакать и разбить отряд подлого кочевника, но мудрый Ос Багатар приказал отдохнуть перед боем.

Поспали какое-то время бойцы, отдохнули и их кони, восстановив свою силу. Тогда отряд Оса Багатара – благородного аланского царя – направился к стану жестокого Анвара. Ос Багатар все еще не хотел верить, что в ловушку их загнал великий бег Хазарии Аарон II.

Солнце было в зените. Всадники выдвигались к отряду степняков, поднимая в воздухе облака пыли. Прищурился царь и увидел: вдали смутной тенью темнели вражеские силы.

Но вдруг задрожала земля от конского топота, и понял Ос Багатар, что прав был Давид, начальник его тайной службы: рядом было не менее трех тысяч лошадей. Аарон II презрел царскую честь и подло заманил его в ловушку! Еще не поздно было повернуть, сбросить тяжелые доспехи и умчаться, чтобы спасти жизни и себе и своим воинам. Но никогда не показывали спины врагу храбрые алдары. Дождались они стаю анварову, улыбаясь будущему бою.

Быстро окружили степняки крепкий, но небольшой отряд Оса Багатара. Войско их было похоже на сшитое из разноцветных лоскутков одеяло. Свистели они и улюлюкали, с гиканьем вертели саблями над головами и трясли копьями, но не решались вступить в бой даже при таких неравных силах. Аланы ждали приказа царя. Напрягся государь, обдумывая, как лучше противостоять врагу. Стояли оба войска друг перед другом довольно долго, пока не выехал на середину поля жестокий Анвар с длинным копьем, показывая знаками, что хочет о чем-то поговорить с Осом Багатаром. Аланский царь грозно сверкнул очами, кивнул своим верным друзьям и отпустил поводья, слегка подгоняя коня.

Сошлись на поле благородство и коварство, барс и волк встретились взглядами, и полетели искры, как в кузнице при ковке меча. Часто бились сердца их в предвкушении сражения. Мощный телом и коварный духом Анвар ухмылялся, щурясь и без того узкими глазами под палящим полуденным солнцем:

– Ай, государь, здорово же обманул тебя великий бег! Заманил, как охотник медведя в яму. И как нам теперь быть? Нас тут пол тьмы хорошо вооруженных всадников. Половина на поле, половина в засаде. Что перед нами твои двести воинов? Падете вы все под нашим натиском! Жены верных тебе алдаров останутся вдовами, а дети сиротами. – Анвар оскалился. – Но добр я сегодня – ты можешь спасти жизнь воинов своих.

Молчал Ос Багатар. От чего он мог спасти своих преданных друзей – от славной смерти? Не одобрят этого соратники. Но нужно было потянуть время, чтобы лучше понять расположение вражеских войск:

– Что предлагаешь, тюрок?

– Сдайся нам, Ос Багатар, и понадейся на милость великого бега!

Молча развернул аланский государь коня.

– Ай, резвый ты! Стой-стой, Ос Багатар, есть еще у меня к тебе разговор.

Попридержал царь поводья.

– Слушаю.

– Поединок!

Радостно схватился за меч царь, думая, что немедленно убьет этого степного хищника, но Анвар, ухмыляясь, развел руками:

– Знаю, что царь должен биться только с равным себе. Но перенес я недавно болезнь – силы мои скудны, поэтому приготовил себе замену. Есть среди степных багатуров один великий воин по имени Улдан. Много погубил он багатуров и простых воинов, погубит же еще больше. – Анвар высоко поднял копье, как будто хотел проткнуть им небо. – Наслышал он о твоей силе и удали и желает лично сразится с тобой. Если победишь его, то могу отпустить твоих людей, но только не тебя!

Как только поднял Анвар копье, отделился от стаи степняков громадного роста воин – полузверь-получеловек. Конь под ним был самым мощным, какого когда-либо рождала степь, но и он с трудом терпел вес Улдана.

Анвар мстительно ухмыльнулся и направился обратно к войску. Всадники же царя стояли, понимая, что сейчас произойдет. Ос Багатар приготовился к жестокому поединку.

Страшен видом и ужасен был этот Улдан. Он был степным каджи – воином, продавшим душу шайтану степей. В каджи посвящали самых могучих степных багатуров колдуны, под воздействием дурмана прорицающие удачу или поражение в бою. В великом почтении у степняков были эти колдуны, умеющие обручать душу человеческую с дьяволом. В сердце Улдана сидел могучий демон, придающий ему титаническую силу. Его глаза светились нечеловеческой, даже не звериной яростью. Это была ярость легионов отчаянных, уже мертвых, но готовых оказать Богу последнее сопротивление.

Знал царь, что в бою каджи приходят в великое беснование, круша все и убивая всех подряд. Победить его при помощи только телесной силы было невозможно. Только с помощью Божьей Ос Багатар мог одолеть Улдана.

Вышел царь перед великаном, как когда-то пророк Давид перед Голиафом. Улдан настолько явно превосходил аланского царя по телесной мощи, что степняки захохотали. Сам великан вертел в воздухе пятипудовую палицу и тоже хохотал, обнажая желтые зубы.

Воззвал тогда Ос Багатар о помощи к Богу, не хотел он умирать от палицы нечестивца, в сердце которого свил гнездо демон. Он возвел глаза к небу:

– Господи Иисусе Христе, не оставь на поле брани раба Своего! Помоги сокрушить каджи – бесноватого Улдана во славу Твою! Да прославится на поле брани имя Твое! Аминь!

Помолившись, царь поправил свой шлем и поднял тяжелый двуручный меч. Конь под царем взвился на дыбы – аланские лошади тоже умели воевать. Их с детства учили кусаться и бить противника передними ногами. И его преданный конь тоже хотел сокрушить коня каджи, как царь – Улдана.

Вдруг взревел Улдан от ярости. Он решил, что не прибавит славы ему этот поединок. Кого видит он перед собой? Он ожидал увидеть подобного себе великана. Прихлопнет он его пятипудовой палицей, как комара. Испытывая царя, каджи громко и пронзительно свистнул. От этого свиста лошади по обе стороны поля нервно затоптались некоторые из степняков от страха попадали на землю. Неожиданно и громко просвистел Улдан. Но не испугался конь Багатара, а раздул ноздри от ярости и начал бить копытом по земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.